

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

УДК 811.161

DOI: 10.25688/2619-0656.2020.14.08

СЕМАНТИКА «СЛАДКОГО» В ЯЗЫКЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ «СЛОВАРЯ ЯЗЫКА РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА»)

SEMANTICS OF THE CONCEPT “SWEET” IN THE LANGUAGE OF RUSSIAN POETRY (AS EXEMPLIFIED IN THE “DICTIONARY OF THE LANGUAGE OF THE 20TH CENTURY RUSSIAN POETRY”)

Анна Владимировна Гик
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

Anna Vladimirovna Gik
Vinogradov Russian Language Institute, Russian Science Academy,
Moscow, Russia

Аннотация

В статье анализируется лексико-семантическое поле «сладкого» в языке русской поэзии. Материалом исследования является «Словарь языка русской поэзии XX века» (СЯРП). Статьи включают в себя стихотворные строки из источников словаря — произведений десяти поэтов начала XX века: И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой. Поэтические тексты ярко иллюстрируют особенности эволюции семантики обозначенной группы слов. В статье анализируются прямые и переносные значения слов, особенности их сочетаемости. Прослеживается временной интервал активного и пассивного включения в поэтические произведения полных и кратких форм прилагательного *сладкий*, наречия *сладко*. Отдельно описывается группа окказиональных образований с корнем *слад-*: *сладелый* (Кузмин); *дикарско-сладкий* (Ман-

дельштам); сладколичиe (Цветаева); ладанно-сладок (Ахматова); сладыка (Хлебников).

Ключевые слова: поэтический язык, авторская лексикография, семантика прилагательного «сладкий», Серебряный век.

Abstract

The article analyzes the semantics of “sweet” in the language of Russian poetry. The material of the study is the ongoing multivolume edition “Dictionary of the Language of the 20th Century Russian Poetry” (DLRP), a concordance of a commenting type. The DLRP vocabulary includes the words of all parts of speech found in the sources — the works of ten outstanding poets of the Silver Age: A. Annensky, A. Akhmatova, A. Blok, S. Yesenin, M. Kuzmin, O. Mandelstam, V. Mayakovsky, B. Pasternak, V. Khlebnikov, M. Tsvetaeva. The purpose of the work is to identify dictionary entries whose headwords contain an element of meaning “sweet”; to analyze the data of dictionary entries, to study the basic semantic features of the use of lexemes. To achieve these goals, the following tasks are solved in the article: 1. Headwords with the indicated semantics are identified (50 units in total). 2. The features of the functioning of these words in the poetic contexts of the poets of the Silver Age are explained. The statistical characteristics of the words are analyzed separately (the most frequent word is “sweet” 98).

The relevance of the study is due to the lack of a description of the semantics of the category of taste in the poetic texts of the Silver Age. The basis of this group is the adjective “tasting sweet”. The article proves that the nominative meaning of the adjective “sweet” is realized only in a small number of cases and is found in the texts of several authors. An important feature of the compatibility of words with “sweet” semantics is the presence of synesthetic contexts: smell-taste, sound-taste (sweet smell of white roses; sweet choirs of Orpheus). This work describes such a semantic phenomenon of the adjective as emotionally expressive enantiosemy. The evaluative element of the value depends on the “embedded” positive or negative component: “positive” — a sweet voice (Kuzmin, 1911-12); “negative” — with sweet bass (Mayakovsky, 1928); “Oh, woe, bitter, sweet life!” “Torn coat, Austrian rifle!” (Blok, 1918).

In the work, special attention is paid to occasional formations with the root “sweet”. Besides, the stylistic characteristics of words are analyzed. Poetic texts vividly illustrate the features and evolution of the semantic and functional characteristics of a group of words with designated semantics.

Key words: language of poetry, author’s lexicography, semantics of the adjective “sweet”, “Silver Age”.

Введение. Анализ функционирования слов в поэтических текстах должен опираться на их узуальную сочетаемость, учитывать поэтическую тра-

дицию и авторские предпочтения. Особенности формирования списка заглавных слов в СЯРП предоставляет уникальную возможность описать специфику поэтического произведения, в котором как полнозначные элементы выступают не только традиционные части речи, но и формы слов. В словник СЯРП включены слова всех частей речи, встречающиеся в источниках — произведениях десяти выдающихся поэтов Серебряного века: А. Анненского (Анн), А. Ахматовой (Ахм), А. Блока (АБ), С. Есенин (Ес), М. Кузмина (Куз), О. Мандельштама (ОМ), В. Маяковского (М), Б. Пастернака (П), В. Хлебникова (Хл), М. Цветаевой (Цв). Таким образом, материалом исследования стали все тексты, включенные в источники словаря. Были выбраны издания, содержащие представительный корпус стихотворных произведений, в том числе поэм и драматических произведений в стихах.

В виде самостоятельных статей в СЯРП оформляются не только имена существительные, имена прилагательные, глаголы, наречия и др., но и причастия, деепричастия, прилагательные и причастия в краткой форме, прилагательные в сравнительной, превосходной степени и в значении существительного. Данный принцип выделения заглавных слов позволит заострить внимание исследователя поэтического текста на эстетической значимости как «классических» лексем, так и их поэтических вариантов (ср., например, *сладостнее* и *сладостней*), как членов словообразовательных гнезд, так и окказиональных образований. Таким образом, СЯРП, как и другие авторские словари, может быть использован «при изучении истории русского литературного языка, при изучении собственно языка художественной литературы, индивидуальных лексиконов и стилей» [Шестакова].

Группу слов, которые содержат сему «сладкий», составляют и однокоренные слова, принадлежащие к различным частям речи, и формы слов. Анализ материала показывает, что случаи использования прилагательного *сладкий* в номинативном значении сведены к минимуму. По мере удаления слов от ядерной зоны (*сладкий* (вкус меда, сахара), *сладостный* (доставляющий удовольствие, наслаждение)), меняются семантические акценты слов, входящих в данную группу, меняется и эмоционально-экспрессивная оценка слов (с положительной — *сладкая вода*, до отрицательных — *сладострастие*).

Материалом исследования стали словарные статьи «Словаря языка русской поэзии XX века» (СЯРП)¹.

В группу слов с семантикой «сладкий» вошло большое количество единиц — 50 слов, вариантов слов и форм слов. Прилагательные, существи-

¹ Словарь языка русской поэзии XX века. М.: Языки славянской культуры / Издательский дом ЯСК, 2001–2017. Т. I–VII (СЯРП). Т. VII. 1064 с.

тельные, наречия, глаголы — все основные части речи входят в круг слов с семантикой «сладкий». Большой объем группы слов отчасти объясняется их сложной и синкретичной природой, описывающей не только вкусовые предпочтения человека, но и в целом способы и формы чувственного познания мира.

Методология. В современных лингвистических исследованиях текста его словарное представление становится необходимым элементом описания художественных произведений. Как писал в работе начала XX в. А. Белый: «В руках чуткого критика словари — ключи к тайнам духа поэтов; и в обычных руках они — хлам» [Белый]. М. Л. Гаспаров считал, что «конкорданс — это расширенный словарь языка писателя». Сегодня авторская лексикография является одной из самых востребованных направлений в изучении художественного языка. В ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН организован Отдел экспериментальной лексикографии. Сотрудники отдела работают над словарем Ф. И. Достоевского. Методы корпусного анализа текста проходят разработку и апробирование в отделе Корпусной лингвистики и лингвистической поэтики. В рамках корпусных и словарных методологических приемов и проводится изучение семантики *сладкого* в данной статье.

Используются также методы статистического анализа текста, семантической интерпретации материала.

Основная часть. Самыми частотными в поэтическом языке начала XX века стали наречие *сладко* — 98 и прилагательное *сладкий* — 93¹. *Сладко* употребляется также в значении сказуемого (например: «Как сладко, и светло, и больно, / Мой голубой, далекий брат! / Душа в слезах, — она довольна / И благодарна за наряд» АБ906; «но иволга не знает, / Русалке не понять, как сладко мне бывает / Его поцеловать!» Ахм917; «Мне сладко при свете неярком, / Чуть падающем на кровать, / Себя и свой жребий подарком Бесценным твоим сознать» П956).

На порядок реже встречаются производные слова (*сладок* 40, *сладостный* 40, *сладость* (также в форме множественного числа *сладости* — кондитерские изделия) 39, *сласть* 20, *сладостно* (также в значении сказуемого) 17) и сравнительная форма имени прилагательного *сладкий* — *слаще* 36.

¹ Данные приводятся по опубликованным томам СЯРП. Цифра после лексемы указывает на количество контекстов с данным словом: *сладострастье*, 9. Если слово встречается один раз, то указывается только автор и год написания стихотворения: *сладко-гласный* [книжн. устар.] ОМ937. При необходимости в квадратных скобках приводятся специальные пометы стилистического или энциклопедического характера. Годы написания стихотворений приводятся без первой цифры: 922–1922. Отдельные пометы вводятся для новых слов — [нов.], субстантивированных форм — [субст.], для слов, выступающих в роли сказуемого — [тж в знач. сказ.].

Варианты сравнительной формы имени прилагательного *сладкий* встречаются по одному разу: *сладостнее* ОМ909; *сладостней* Куз908. Прилагательное *сладковатый*, обозначающее слабую степень выраженности признака, названного в производящем слове *сладкий*, также встречается лишь в одном тексте Мандельштама в 1931 г.: «Чтобы в мире стало просторней, / Ради сложности мировой, / Не втирайте в клавиши корень / Сладковатой груши земной».

Простая превосходная степень прилагательного — *сладчайший* 14 — становится более популярной у поэтов начала XX века. Эта форма прилагательного появляется в языке И. Анненского в 1909 г.: «Она [тоска] бесполоя, у ней для всех улыбки, / Она притворщица, у ней порочный вкус — / Качает целый день она пустые зыбки, / И образок в углу — Сладчайший Иисус...» (Анн909). С религиозной тематикой связаны стихотворения, в которых встречается данная форма слова и у других авторов начала века: Блок, Есенин, Кузмин, Ахматова.

Последнее зафиксированное в словаре употребление превосходной степени прилагательного — 1923 г. в стихотворении М. Цветаевой: «В тот час, душа, мрачи / Глаза, где Вегой / Взойдешь... Сладчайший плод, / Душа, горчи» (Цв923). Прилагательное *сладчайший* вступает в семантическое противостояние с глаголом *горчи*, который, в свою очередь, паронимически объединяет смыслы вкуса (горький) и чувства (горе).

Для поэтического языка значимым становится и отрицательный материал. Данная форма прилагательного не встречается у Мандельштама, Маяковского и Пастернака.

Стилистически окраска слов изучаемой группы представляет из себя два полюса: от разговорных и областных, до книжных. Самое часто встречающееся слово, имеющее стилистическую окраску, — разговорное наречие *вслась*, встречается 12 раз, самым частотным книжным словом стало имя существительное — *сладострастье*, 9. Приведем список слов, имеющих стилистические пометы: *наслаивать* [разг.] Цв922; *подсласка* [разг.] П931; *сладимый* [обл.; сладкий, сладковатый] Ахм939; *сластёна* [разг.] Хл921; *сладкогласец* [книжн., устар.] П922; *сладкогласный* [книжн. устар.] ОМ937; *сладострастен* [книжн.] Куз927; *сладострастный* [книжн.] Цв917; *сластолюбивый* [книжн.] Цв921; *сладкозвучный* [книжн. устар.] 2 Анн904, Хл915.

Прилагательное *сладкий* переходит в разряд существительных: «У страшной солдатки / Под огненной пяткой — Твой сладкий!» Цв920. «Мы / не подносим — / “Готово! / На блюде! / Хлебайте сладкое с чайной ложки!” / Клич футуриста: / были б люди — / Искусство приложится» М918.

Окказиональные образования являются неотъемлемым признаком поэтического языка начала XX в. В группе изучаемых слов около 20 единиц являются новыми (по правилам СЯРП такие слова имеют помету —

нов. (новое)). Они образованы по продуктивным моделям русского языка с использованием аффиксов, путем сложения основ и сложения слов: *Волшебно-сладоострастный* Анн 899 («Певец волшебного-сладоострастного, / Нас жег в безмолвии ночей / Тоскою нежной и напрасной» (об А. С. Пушкине)); *сладелый* 7 Куз906–926; *голубино-сладокий* Куз917; *сладело-озорно* Куз 918; *дикарско-сладокий* ОМ937; *сладоколичие* Цв921; *сладоко-непонятно* Анн900-е; *сладоклюнчат* Цв922; *сладоко-строгий* Куз907; *сладокострунчат* Цв922; *ладанно-сладоко* Ахм943; *сладоостро-воздушный* Анн900-е; *сладоостро-непоправимый* Куз922; *сладоостро-сильный* Анн909; *неназванно-сладоостро-ный* Цв910; *волшебно-сладоострастный* Анн899; *сладыка* Хл920–22; *сласть-чернослив* Цв928, 29–30.

И хотя сложное прилагательное *кисло-сладокий* фиксируется в толковых словарях, в поэтическом языке сочетаемость слова расширена (вкусом наделяются «земля» и «дух»). Всего два примера использования находим у Мандельштама: «Кисло-сладокая земля...» ОМ931; «Дух кисло-сладокий двух мегер» ОМ937. Сложные прилагательные, в состав которых входят слова интересующей нас семантики, сочетаются с относительными прилагательными: *Голубино-сладокий*, *дикарско-сладокий* Куз907. Оксюморонное сочетание — *солено-сладокий* близко по основе семантики к сочетанию *сладокий-сладокий* (*сладокий* восходит к *соленый* (И.-е. корень с -d- представлен гот salt — «соль»)¹): «Солоно-солону сердцу досталась / Сладокая-сладокая Ваша улыбка!» (посв. Ю. А. Завадскому) Цв918.

Чаще других создают новые слова с семантикой «сладокий» такие поэты, как Анненский — пять слов, Кузмин — пять слов, Цветаева — три слова.

Как видим, все новые слова имеют уникальные контексты употребления, однако есть одно исключение. Прилагательное *сладелый* встречается в различных текстах Кузмина (для полноты картины мы использовали данные Конкорданса к стихам М. Кузмина [Кузмин: 202]). Приведем ближайшее окружение данного прилагательного: «Алела яркость губ, вился сладелый дым» (906); «А в жилах, в сухожильях / Течет сладелый страх» (917); «Сладелая фиалка / Свой запах тычет, как слепец костыль» (917); «Отчего, будто в час смертный, / Такая сладелая боль?» (918); «Любопытно и ужасно / И сладело-озорно» (918); «Сладелой струйкой вьется тлен» (921); «Сирены, сирены, сладелый плен» (923); «Дымок сладелый вьется» (926).

Чтобы определить семантику нового слова, обратимся к анализу способа его образования. Прилагательные с суффиксом -л- имеют значение «находящийся в состоянии, возникшем в результате процесса, названного мотивирующим словом» — *прелый*, *умелый*, *лежалый*, *усталый*, *спе-*

¹ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. М.: Русский язык, 1993. С. 173.

лый (по данным [Русская Грамматика: 297]). Этот словообразовательный тип является продуктивным, преимущественно в разговорной и художественной речи (*помутнёный флакон* (Пастернак), *покраснелые глаза* (Есенин)). Если реконструировать мотивирующее слово — «*сладеть*», то можно предположить, что *сладельный* — это такой, который находится в состоянии «сладости». Сочетаемость слов говорит о неоднозначной и даже оксюморонной семантике прилагательного. *Дым, дымок, страх, боль, плен, тлен, фиалка* — характеризуется таким образом, что интерпретация данного свойства приближается к шкале — «отрицательная оценка состояния». Однако семантика «сладкого», описывающего базовый приятный вкус, вступает в конфликт с контекстом. Двойственная природа слова хорошо видна в сложном прилагательном: *сладело-озорно*. Таким образом, поэтический текст использует языковой потенциал семантики «сладкого», раскрывает скрытые смыслы, добавляя индивидуальные ассоциации.

Новое слово *сладельный* не стало общеупотребительным, но сходную модель образования находим в современном названии торгового дома. В интернете нашлась фирма, использующая существительное *сладелия* в названии предприятия: «ТД Сладелия. Компания-производитель, г. Москва, приглашает к сотрудничеству оптовых покупателей и дилеров» (<https://productcenter.ru/producers/8942/sladieliia>).

Перейдем к разбору семантических особенностей употребления слов в тексте (ср. различные аспекты описания прилагательных в работах [Грошева], [Колбенева], [Кустова], [Рахилина], [Шрамм]). Качественные имена прилагательные, в частности прилагательные, обозначающие вкусовые ощущения человека, обладают высокой семантической «мобильностью», могут сочетаться с разными классами объектов. Поэтические тексты наглядно и ярко иллюстрируют особенности эволюции семантико-функциональных характеристик этой группы «эмпирирных»¹ слов.

В Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова выделяется восемь значений слова *сладкий*. Мы прибегаем к материалам данного словаря по причине наименьшей временной разбежки между описываемыми поэтическими произведениями и словником лексикографического издания. Первые два значения относятся к номинативным, обозначают свойства «сладкого» (*сладкий кисель, сладкое тесто*). Отдельно выделено значение «десертное блюдо». Переносные значения связаны

¹ «Эмпирирные прилагательные» (от греч. *empeiria* — опыт, восприятие) в терминологии работ А. Н. Шрамма. Это прилагательные, обозначающие признаки, «воспринимаемые органами чувств и осознаваемыми человеком в результате одноступенчатой мыслительной операции сопоставления с «эталоном». Эмпирирные (перцептивные) прилагательные обозначают собственный признак конкретных предметов, их содержание находится в полном соответствии с логико-философской категорией качества» [Шрамм: 21].

с чувственными приятными ощущениями (сладкий поцелуй свиданья) — о вещах, доставляющих удовольствие.

Номинативное значение лексемы *сладкий* реализуется в ограниченном числе контекстов СЯРП. Семантическая сочетаемость слова реализуется с наименованиями продуктов (в том числе с устаревшим наименованием родового обозначения еды: *брашна*) и жидкостей. Наименования жидкостей выходят в данном случае на первый план: «сладких брашен» Куз903; «нам дадут сладких напитков», Куз905—08; «Сломались сахарные ножки / И в сладкой лужице лежат...» [о сахарной фигурке] АБ909; «Мёду¹ сладкому смешаться / Со скорбными росами» Куз909; «Не будем пить из одного стакана / Ни воду мы, ни сладкое вино» Ахм913; «Их вода — не сладкая» Цв920; «И солнце перезревшей девой (Верно, сладкое любит варенье), Сладко, ласково закатилось на львиное плечо» Хл921,22; «Чай не сладкий, хлеб не белый — / Личиком бела зато!» Цв920); «Это — сладкий заглохший горох, / Это — слезы вселенной в лопатках» П917.

Номинативное значение прилагательного реализуется в сравнительных конструкциях: «Мои поцелуи не слаще ли сладкого яблока?» Куз905—08; «Землю, / где воздух / как сладкий морс, / бросишь / и мчишь, колеся» М927.

Материал показывает, что больше всего случаев прямого использования слова находим в поэтических произведениях М. Кузмина.

Прилагательное включается в метафорические преобразования текста. Блок использует развернутую метафору — сладкая капля из чаши счастья: «из полной, светлой чаши / Мы счастье пьем, пока не видя дна. / Когда-нибудь, с последней каплей сладкой, / Судьба столкнет упрямо нас» АБ898.

Яркую картину реализации метафоры «жизнь — сладкая сайка» находим у Пастернака: «Привыкши выковыривать изюм / Певучестей из жизни сладкой сайки, / Я раз оставил должен был стезю / Обьевшего рифмами всезнайки» П925—31. «Сладкие плоды» любви собирает лирический герой стихотворения Кузмина: «Как счастлив был я с милою Надиной, / Как жадно пил я кубок томных нег! / Но ах! недолго той любви нежной / Мы собирали сладкие плоды» Куз906.

В словарных статьях СЯРП встречаются метафорические парафразы с лексемой «сладкий»: *сладкая дымность* (Хл908) — воспоминания; *сладкая лихорадка* — любовь (П925—31).

¹ «Мёд является тем эталонным продуктом, который характеризуется вкусовым признаком “сладкий”, что позволяет использовать название этого продукта при сравнении для раскрытия вкусового признака другого объекта»; ср. диссертацию по теме: *Шуклина Т. Ю.* Семантическое развитие прилагательных со значением вкуса в истории русского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1995. 356 с.

Сочетания с наименованиями жидкости активизируют переносное значение прилагательного *сладкий* (имеющий положительную оценку для говорящего). Переносное значение прилагательного *сладкий* — *сладкая вода* находим в контекстах Кузмина и Хлебникова: «Ты приведешь меня в тихую, сладкую воду, / Где я узнаю покорности ясной свободу» Куз909; «Как по речке по Ирану, / По его зеленым струям, / По его глубоким сваям, / Сладкой около воды, / Ходят двое чудаков / Да стреляют судаков» Хл921.

Среди качественных прилагательных вкуса чаще других появляются синестетические контексты, то есть такие, в которых реализуется возможность восприятия с помощью органов какого-то одного чувства, явления, относящегося к области другого, например, восприятие звука через вкус: «Где-то хоры сладкие Орфея» ОМ908–25; «И сладким голосом влеком, / Я вопрошал» Куз911–12; «Однозвучно запели ручьи, / Сладкой песнью меня оглушили» АБ915; «Голос — сладкий для слуха, / Только взглянешь — светло» Цв917; «Не сладкий глас, а ярый крик / Прорежет темную утробу» Куз921; «Обворовывая / массу, / разжиревши понемногу, / подытожил / сладким басом: / “День прожил — /и слава богу”» М928.

Последний пример может служить иллюстрацией такого семантического явления прилагательного, как эмоционально-экспрессивная энантиосемия [Ермакова] [Цоллер]. Когда речь заходит об оценочной функции прилагательного, то мы должны признать, что положительный или отрицательный элемент оценки слова зависит от «вложенного» положительного или отрицательного компонента: «сладкий голос» Куз911–12 — «сладким басом» М928. Сравним также примеры из поэзии Блока и Марины Цветаевой. У первого автора очевидно ироническое употребление выражения «сладкое житье», у второго словосочетание «сладкая речь» размещено в ряду негативных наименований: «Как пошли наши ребята / В красной гвардии служить — / В красной гвардии служить — / Буйну голову сложить! / Эх ты, горе-горькое, / Сладкое житье! / Рваное пальтишко, / Австрийское ружье!» АБ918; «От бессонницы, от речи сладкой, / От змеи, от лихорадки, / От подружкина совета, / От лихого человека, / От молодых друзей, / От чужих князей — / Заклинаю государыню-княгиню, / Молодую мою, верную рабыню» Цв917.

Еще один синестетический перенос используется в контекстах, где вкус приравнивается к запаху: «Сладкий запах белых роз...» Куз906; «От роз струится запах сладкий» Ахм912; «Я жареных гусей вдыхаю сладкий запах» ОМ913; «Можжевелика запах сладкий / От горящих лесов летит» Ахм914; «запах тленья обморочно сладкий» Ахм921; «Размыло все, / даже запах капустный / с кухни / всегдашний, / приторно сладкий» М923; «И в памяти черной пошарив, найдешь / До самого локтя перчатки, / И ночь Петербурга. / И в сумраке лож / Тот запах и душный и сладкий» Ахм944–60.

Оксюморонные сочетания [Кожевникова: 30] становятся ключевым стилистическим приемом большинства авторов СЯРП (*сладкий яд, сладкий обман, сладкое лекарство, сладкая мука, сладкая смерть* и др.): «Дай сладкий яд мне — стражу отравить!» АБ899; «Тоской неведомой, но сладкой / Вся грудь полна» АБ899; «И ядом сладким заморочь» АБ906; «И опять твой сладкий сумрак, влюбленность» АБ907; «Душе влюбленной невозможно / О сладкой смерти не мечтать» АБ908; «Вся комната напоена / Истомой — сладкое лекарство!» ОМ909; «О, какой сладкий обман!» Цв910; «И там, как здесь, мне будет сладкой мукой / Твой тихий жест» Цв910; «О, старый мир! Пока ты не погиб, / Пока томишься мукой сладкой, / Остановись, премудрый, как Эдип, / Пред Сфинксом с древнею загадкой! / Россия — Сфинкс» АБ918; «Веселые, вы пили сок / И пьянства сладкие грехи» Хл919, 20–22.

Качественные прилагательные имеют такую семантическую особенность, как градуируемость признака. Признак может принимать значение неопределенности, становиться пограничной характеристикой между физическими свойствами объектов и их *эмоциональной интерпретацией*: «Какую сладкую пустыню я нашел!» Куз920; «Какой молочный, сладкий плен!» Куз920.

Поэтической традицией поддерживается сочетаемость слов с наименованием психических процессов, оцениваемых авторами как «значимо приятные». Прилагательное *сладкий* в данных контекстах служит также для передачи интенсивности восприятия чувства (нега, любовь, страсть и др.). Чаще всего в непрямых значениях СЯРП фиксирует сочетания с существительными: запах, 6; надежда, 4, яд, 4, волна, 2, голос, 2, му́ка, 2, ласка, 2: «Теперь одной любви полны сердца, / Одной любви и неги сладкой» АБ898; «Он молчал, замороженный / Сладкой близостью души. АБ902; «В порыве безумном и сладком» АБ902; «сладкий намек...» АБ903; «Не знаю почему — богини изваянье / Над сердцем сладкое имеет обаянье... [о статуе Мира в Царском Селе]» Анн905; «сладкую надежду» Куз906; «<...> В сладких ласках прежних рук» Куз906; «Здесь страстью сладкою волнуясь и горя, / Меня спросили Вы, люблю ли» Куз907; «Возлюби в лобзаннях сладких волн медлительную лень» Куз908; «Но лишь только скажу в сладкой надежде “твой”» Куз909; «Не покинет Он меня, / Сладкой вестью возмания!» Куз909. «Да, я томлюсь надеждой сладкой» АБ914; «Ой ты, Русь моя, милая родина, / Сладкий отдых в шелку купырей» Ес914. Время создания таких поэтических произведений, в которых встречаются переносные значения прилагательного, имеют временную границу: до 1917 г.

Среди уникальных авторских сочетаний назовем сочетание «Сладкая вольность гражданства»: «Еще волнуются живые голоса / О сладкой вольности гражданства! / Но жертвы не хотят слепые небеса: / Вернее труд и постоянство» ОМ917. Это же сочетание похоже на парафразу текста

Дж. Г. Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда»: «Как Ватерлоо повторило Канны, / Так повторен Моратом Марафон. / Там выиграли битву не тираны, / А Вольность, и Гражданство, и Закон».

В одной строке могут встречаться контекстуальные антонимы (ср. вариативные антонимичные пары: *сладкий* и *горький* [Апресян: 298–299]): *сладкое* и *кислое* (субстантивированные прилагательные): «Я не знаю, были ли мо[ими] бабушкой и дедом / Обезьяны, т[ак] к[ак] я не знаю, хочется ли мне сладкого или кислого» Хл909.

Для употребления наречия *сладко* также характерны контексты, которые описывают ситуацию восприятия мира с помощью обоняния: «Хан в чистом белье / Нюхал алый цветок, сладко втягивал в ноздри запах / Жадно глазами даль созерцая» Хл921,22 (355.3); «Ничто не пробилося мне в душу, / Ничто не смутило меня. / Струилися запахи сладко» Ес925 (111,187).

Для краткого прилагательного *сладок* законы синестетического сочетания те же, что и для полного (запах — вкус): «Запах грядок прян и сладок» Куз907 (39.1); «Сладок запах синих виноградин...» Ахм909 (44.2).

Пересечение семантических зон «сладкий» и «сон» является традиционным поэтическим приемом, что подтверждают материалы СЯРП: «Могу увидеть сладкий сон» АБ903; «Сладкий сон вам пошлю» АБ904; «хрупки и минутны сны» Куз907; «Не потому ль кабацкий звон гитары / Мне навевает сладкий сон?» Ес924; «Да будет так же сладок / И нерушим твой сон» П953 (11,164).

Сладкий *сон* плавно перетекает в *дурман*: «И запомнилось мне, / Что в избе этой низкой / Веял сладкий дурман» АБ905 (11, 26); «И прядет, и прядет королева, / Опустив над работой пробор. / Сладким сном одурманила нас» АБ905 (11,26).

Сходные семантические процессы наблюдаются в рамках анализа словарных статей других слов, входящих в разбираемую группу слов. Так, прилагательное *сладостный*, превосходная форма прилагательного *сладчайший* сочетаются с существительным *сон*: «Безмирные и сладостные сны» АБ902; «Ты — как грешник, видящий райский / Перед смертью сладчайший сон...» Ахм916; «На утренней заре придут ко мне друзья, / И мой сладчайший сон рыданьем потревожат, / И образок на грудь остывшую положат» Ахм922.

Выводы. Семантическое ядро разбираемой группы слов — прилагательное *сладкий* — обладает чрезвычайно высоким семантико-словообразовательным потенциалом. Сходные семантические процессы: использование в основном переносных значений; включение в антонимические пары и др. характерны для всех единиц, объединяемых семой «сладкий». Материалы «Словаря языка русской поэзии XX века» позволяют сделать вывод, что в поэтическом языке номинативное значение слов дан-

ной группы встречается гораздо реже, чем переносные. Еще одна особенность употребления лексем с элементом значения «сладкий» — синестезия вкусовых и звуковых элементов значения сочетающихся слов. Это мнение подтверждают материалы различных авторских словарей (Пушкин, Батюшков, Боратынский) и ресурсы Национального корпуса русского языка.

Все стихотворные строки в словарных статьях СЯРП сгруппированы по десятилетиям. Поэтому легко вычислить, что временной промежуток использования единиц данной группы смещен к началу XX в. Так, самыми активными годами использования прилагательного *сладкий* стали 1900–1920 гг., единичные контексты зафиксированы в следующее десятилетие 1921–1930 гг., а в 1940-е гг. — всего два контекста. Наречие *сладко* имеет схожую историю употребления. Почти все окказиональные образования также встречаются в текстах начала XX в.: 1900–1920 гг. Стихотворные строки с кратким прилагательным *сладостен*, наречием *сладостно*, сравнительной формой прилагательного *сладчайший* зафиксированы до 1922 г. Последний контекст с именем существительным *сладострастье* — 1917 г. Существительное *сладость* имеет самую длинную историю, от 1898 г. в стихотворении Блока до 1964 г. в стихотворении Ахматовой.

В заключение приведем весь список слов в порядке убывания частоты употребления: *сладко*, 98 (тж в знач. сказ.); *сладкий*, 93, *сладок*, 40; *сладостный*, 40; *сласть*, 20; *сладость* (тж мн. сладости — кондитерские изделия), 39; *слаше*, 36; *сладостно* (тж в знач. сказ.), 17; *сладчайший*, 14; *всласть* (разг.), 12; *сладострастье* (книжн.), 9; *сладостен*, 8; *наслажденные*, 6; *наслаждение*, 4; *насладиться*, 3; *сладкое*, 3 (субст. прил.); *слащавый*, 3; *кисло-сладкий*, 2 ОМ931,937; *сладкозвучный* (книжн. устар.), 2 Анн904, Хл915; *голубино-сладкий* (нов.), Куз917; *дикарско-сладкий* (нов.), ОМ937; *ладанно-сладок* Ахм943; *наслащивать* (разг.) Цв922; *подсластка* (разг.) П931; *сладелый* (нов.) 4 Куз917–926; *сладимый* [обл.; *сладкий*, *сладковатый*] Ахм939; *сладкий* (субст. прил.) Цв920; *сладкий-сладкий* Цв918; *сладковатый* ОМ931; *сладкогласец* (книжн., устар.) П922; *сладкогласный* (книжн. устар.) ОМ937; *сладколичи* (нов.) Цв921; *сладко непонятно* (нов.) Анн900-е; *сладкопеец* Куз909; *сладкослюнчат* (нов.) Цв922; *сладко-строгий* (нов.) Куз907; *сладкострунчат* (нов.) Цв922; *сладостнее* ОМ909; *сладостней* Куз908; *сладостнейший* Цв924; *сладостно-воздушный* (нов.) Анн900-е; *сладостно-непоправимый* (нов.) Куз922; *сладостно-сильный* (нов.) Анн909; *неназванно-сладостный* (нов.) Цв910; *сладострастен* (книжн.) Куз927; *сладострастный* (книжн.) Цв917; *волшебно-сладострастный* (нов.) Анн899; *сладыка* (нов.) Хл920-22; *сластёна* (разг.) Хл921; *сластолюбивый* (книжн.) Цв921; *сласть-чернослив* Цв928,29–30.

Литература

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка) // *Апресян Ю. Д. Избранные труды: В 2 т. Т. 1.* Москва: Языки русской культуры, 1995. 472 с.

Белый А. Из книги «Поэзия слова»: Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы // *Семиотика: Антология.* Москва: Академ. проект; Деловая кн., 2001. С. 480–485.

Гик А. В. Конкорданс к стихам М. Кузмина: В 4 т. Т. 4. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2015. 376 с.

Грошева А. В. Прилагательные со значением *сладкий* в поэмах Гомера // *Материалы семнадцатых чтений памяти И. М. Тронского «Индоевропейское языкознание и классическая филология — XVII».* Санкт-Петербург: Наука, 2013. С. 228–243.

Ермакова О. П. Существует ли в русском языке энантиосемия как регулярное явление? Вспоминая общую этимологию начала и конца // *Логический анализ языка.* Москва: Индрик, 2002. С. 61–68.

Кожевникова Н. А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века / Отв. ред. В. П. Григорьев. Москва: Наука, 1986. 253 с.

Колбенева М. Г. Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка: лингво-психологический словарь. Москва: Языки славянских культур, 2010. 366 с.

Кустова Г. И. Прилагательные // *Материалы к корпусной грамматике русского языка.* Вып. 3. Части речи и лексико-грамматические классы. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. С. 40–107.

Рахилина Е. В. В зеркале прилагательных // *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость.* Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2010. С. 444–238.

Русская грамматика. Т. 1. Москва: Наука, 1980. 754 с.

Цоллер В. Н. Эмоционально-оценочная энантиосемия в русском языке // *Филологические науки.* Москва, 1998. № 4. С. 79–80.

Шестакова Л. Л. Современное состояние русской авторской лексикографии // *Вопросы языкознания.* 2019. № 2. С. 126–150.

Шрамм А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка). Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1979. 134 с.

References

Apresyanyu. D. Leksicheskaya semantika (sinonimicheskie sredstva yazyka) // *Apresyanyu. D. Izbrannyye trudy: V 2 t. T. 1.* Moskva: Yazyki russkoj kul'tury, 1995. 472 s.

Belyj A. Iz knigi “Poeziya slova”: Pushkin, Tyutchev i Baratynskij v zritel’nom vospriyatii prirody // *Semiotika: Antologiya*. Moskva: Akadem. proekt; Delovaya kn., 2001. S. 480–485.

Gik A. V. Konkordans k stikham M. Kuzmina: V 4 t. T. 4. Moskva: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, 2015. 376 s.

Grosheva A. V. Prilagatel’nye so znacheniem *sladkij* v poemakh Gomera // *Materialy semnadcatykh chtenij pamyati I. M. Tronskogo “Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya — XVII”*. Sankt-Peterburg: Nauka, 2013. S. 228–243.

Ermakova O. P. Sushchestvuet li v russkom yazyke enantiosemiya kak reguljarnoe yavlenie? Vspominaya obshchuyu etimologiyu nachala i konca // *Logicheskij analiz yazyka*. Moskva: Indrik, 2002. S. 61–68.

Kozhevnikova N. A. Slovoупotreblenie v russkoj poezii nachala XX veka / Otv. red. V. P. Grigor’ev. Moskva: Nauka, 1986. 253 s.

Kolbeneva M. G. Organy chuvstv, emocii i prilagatel’nye russkogo yazyka: lingvo-psikhologicheskij slovar’. Moskva: Yazyki slavyanskih kul’tur, 2010. 366 s.

Kustova G. I. Prilagatel’nye // *Materialy k korpusnoj grammatike russkogo yazyka*. Vyp. 3. Chasti rechi i leksiko-grammaticheskie klassy. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2018. S. 40–107.

Rahilina E. V. V zerkale prilagatel’nykh // *Kognitivnyj analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost’*. M.: Izdatel’skij centr “Azbukovnik”, 2010. S. 444–238.

Russkaya grammatika. T. 1. Moskva: Nauka, 1980. 754 s.

Coller V. N. Emocional’no-ocenochnaya enantiosemiya v russkom yazyke // *Filologicheskije nauki*. Moskva, 1998. № 4. S. 79–80.

Shestakova L. L. Sovremennoe sostoyanie russkoj avtorskoj leksikografii // *Voprosy yazykoznanija*. 2019. № 2. S. 126–150.

Shramm A. N. Oчерki po semantike kachestvennykh prilagatel’nykh (na materiale sovremennogo russkogo yazyka). Leningrad: Izd-vo LGU, 1979. 134 s.

Сведения об авторе: Анна Владимировна Гик; кандидат филологических наук; Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук; старший научный сотрудник; ORCID 0000-0001-9449-546X; annagik@yandex.ru; сфера научных интересов: авторская лексикография, поэтическая грамматика, русский футуризм.

The author’s profile: Anna Vladimirovna Gik; Candidate of Philology; Vinogradov Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences; senior specialist; ORCID 0000-0001-9449-546X; annagik@yandex.ru; research interests: author’s lexicography, poetic grammar, Russian futurism.